

Ещё совсем недавно небо радовало яркими проблесками солнца. В воздухе разливался аромат мимоз, и сердцу легко верилось, что на пороге не только календарная, но и настоящая весна. Пробуждение, воскрешение природы. Может быть, были правы наши древние предки, которые встречали Новый год в марте. Первые проталинки, первые лужицы, похожие на осколки солнечных зеркал. Вот-вот — и можно будет сбросить с плеч зимнюю одежду. Однако у капризного марта переменилось настроение, и старуха зима, совсем уже было углубившаяся в лес, где ещё лежал нетронутый снег, решила присесть на дорожку. И город застыл в ожидании. Видно, не зря говорят, что «март не весна, а предвесенье». Всего лишь намёк на весну.

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

ГЛАВА 1

Заледенелые снежинки, подгоняемые ветром, точно рой злых ос беспощадно жалили лица припозднившихся прохожих.

На газонах ёжились обнажённые деревья и только ели сохраняли спокойствие и при свете ночных фонарей напоминали ночную стражу, патрулирующую улицы, бульвары и переулки...

Следователь Александр Наполеонов в этот поздний вечер, а вернее, уже начавшуюся ночь тоже находился на службе, на дежурстве.

В помещении было тепло и уютно. Пахло кофе, который щедро разлил в стаканчики эксперт Афанасий Незовибатько.

Его жена Оксана варила отменный кофе и от души наполняла им огромный термос мужа.

Наполеонов взял свой стаканчик и сел за пульт оперативного дежурного.

— Хорошо, если б сегодня ничего не произошло, — проговорил молодой фотограф Валерьян Легкоступов, который, отогнув краешек портьеры, выглядывал в окно. — На улицу даже нос высовывать не хочется.

— Хотелось бы надеяться, — пробасил Незовибатько, — что твои пожелания сбудутся.

— Вам бы обоим не в полиции работать, а вести курсы по релаксации, — пробурчал Наполеонов.

— Это ещё почему? — удивился Легкоступов.

— Оптимизм у вас зашкаливает, — пояснил следователь.

— Без оптимизма на нашей работе загнуться можно в два счёта, — внёс свою лепту в спор судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов.

— Вот-вот! — обрадовался его поддержке Валерьян.

— Ну-ну, — усмехнулся следователь, поставил на стол опустевший стаканчик из-под кофе и подпёр голову руками.

Мысленно он пытался ответить на вопрос, зачем Легкоступов устроился работать в полицию. Фотограф он был, конечно, классный. Но ему бы не места преступлений фотографировать, а моделей там всяких или хотя бы... памятники старины. А то его фотографии своей высокой художественностью грозили довести до сердечного приступа не одного сотрудника правоохранительных органов.

Вот, например, зачем он осенью в прошлом году заснял на теле убитой девушки лепесток георгина? Сам Легкоступов утверждал, что лепесток там был и он тут ни при чём. Но зачем было снимать лепесток так, что от него трудно оторвать глаз?!

Или на прошлой неделе, фотографируя удуршенного мужчину, он заодно сфотографировал

и кусочек пейзажа — ветки осины и пронзительно-голубое небо. Неужто нельзя было обойтись без этой красоты?

Наполеонов вздохнул и посмотрел на оперативника Ахметова, безмятежно сидящего в углу и читающего детектив, как будто ему на работе криминала не хватало.

Старший лейтенант Дмитрий Славин погрузился в изучение новинок каталога художественной галереи «Вишнёвой рощи». Можно было подумать, что не он сам приложил руку к его составлению. Художественная галерея принадлежала Славину-старшему, и Дмитрий в свободное время помогал отцу чем мог.

Незаметно для окружающих Наполеонов вздохнул.

И в это время Аветик Григорян, как всегда разгадывающий кроссворды, задал вопрос, который ни к кому конкретно не был обращён: — «Самое свирепое млекопитающее»?

— Человек, — не задумываясь ответил Наполеонов.

Аветик склонился над кроссвордом, а потом, покачав головой, сказал:

— Нет, не подходит.

— Может быть, крокодил? — предположил, дремавший было стажёр Артём Надеждин и тут же задал вопрос всем присутствующим: — Кто-нибудь знает, есть у крокодила молочные железы или нет?

В ответ ему прозвучал раскатистый смех.

— О! Подходит! — обрадовался Аветик.

— Крокодил относится к отряду водных позвоночных. И мать не кормит детёнышей молоком! — рявкнул Наполеонов.

— А чем она их кормит? — заинтересовались оперативники.

— Ничем. Они сами заботятся о своём пропитании.

— Хорошо, однако, устроились крокодилы, — вздохнул кто-то, — а тут твоя своё потомство чуть ли не до пенсии.

— Хорошо, если до своей, — хмыкнул Незовибатько, — а то некоторые опекают детишек до их пенсии.

В это время резко прозвучал звонок на пульт оперативного дежурного.

Наполеонов поднял трубку, а все присутствующие сотрудники невольно замерли в ожидании.

— Алло, алло! — прокричали в трубку. — Приезжайте скорее на угол Новопромышленной! Тут за углом девушку зарезали!

— А вы кто?

— Я Лёнчик!

— Какой ещё Лёнчик?! Имя, отчество, фамилия!

— Федотов я! Приезжайте, ради бога, скорее! Мне же страшно! — дальше короткие гудки.

Наполеонов чертыхнулся и распорядился:

— Группа на выезд.

Водитель еле успел затормозить, когда прямо под колёса полицейской машины бросилась худенькая фигура в чём-то тёмном.

Наполеонов первым вышел из салона.

— Это вы Федотов? — Он внимательно разглядывал долговязого парня, скорее подростка, чем юношу.

— Я! — Парень слегка покачнулся и тут же облокотился на руку следователя.

— Рассказывай, что случилось?

— Девушка! Она там! Я шёл! И она шла. А он подбежал и ударил её ножом.

— Как догадался, что ножом?

— Увидел! — И махнул рукой: — Она во дворе! Там светло.

— Ты подходил к ней?

— Нет!

— Откуда же знаешь, что её убили.

— Я видел, как её два раза ткнули ножом!

— Она может быть ранена.

— Нет! — Парень облизал губы. — Хотя не знаю. Просто я подумал...

— Кто её ударил?

— Не знаю. Мужик какой-то.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Как ты здесь оказался в такое время?

— Я от подружки шёл.

— А не рано тебе ещё по подружкам ходить?

— Да нет! Не рано! Мы с Томкой с пятого класса дружим. Но мы по-тихому.

— Что значит по-тихому? За спиной родителей, что ли? — спросил Наполеонов.

— Да какой там за спиной! Просто без шекспировских страстей.

— О! — вырвалось у Наполеонова, и он тут же спросил: — Если без шекспировских страстей, то почему ты возвращался от неё так поздно?

— Так мы к олимпиаде по математике готовились! И папа её с нами был. Он нам помогал немножко, — смущённо признался парень.

— Почему же он не проводил тебя?

— Как не проводил? Он меня почти до дома довёз. Вон мой дом стоит!

— А почему не до подъезда?

— Я не захотел, — Лёнчик упёрся взглядом в свои ботинки.

— Почему?

— Не захотел, и всё, — заупрямился парень.

«Ясно, — подумал Наполеонов, — стеснялся. Боялся, что кто-то из знакомых увидит его с чужим мужиком. Хотя неизвестно, что на уме у сегодняшних подростков. Время позднее. На улице темень. Кто их мог увидеть. А вот они могли. И жаль, что свидетель нападения только один», — вздохнул про себя следователь.

— Папа твоей подружки далеко отошёл, когда ты увидел, что на девушку напали?

— Я не знаю, — растерялся Лёнчик.

— Ты кричал?

— Нет, — почему-то шёпотом ответил парень.

— Что же ты сделал?

— Подождал.

— Чего?!

— Когда убийца уйдёт. У меня чуть язык от страха не отнялся и поджилки затряслись, — признался он.

- А потом?
- Потом позвонил вам.
- А в «Скорую»?
- Забыл. Я думал, что ей уже не надо.
- Ты не обратил внимания, прежде чем ударить девушку, нападавший разговаривал с ней?
- Не знаю. Я увидел их в момент нанесения первого удара и сразу последовал второй.
- Она не кричала?
- Нет. По крайней мере, я не слышал.
- Заметил, в какую сторону побежал преступник?
- Туда! — Парень ткнул пальцем без перчаток в сторону дороги.
- Ты не слышал, не завелась ли машина?
- Нет, — парень потряс головой, — но я, честно говоря, и не слушал.
- Описать ты его не можешь, — скорее констатировал, чем спросил Наполеонов.
- Он был в тёмной куртке с капюшоном.
- В чёрной?
- Скорее в тёмно-синей.
- Может, в коричневой?
- Может. Но мне так не кажется.
- Высокий?
- Выше меня, — Лёнчик посмотрел на Наполеонова и чуть было не сказал: «И уж точно выше вас». Но вовремя сообразил, что произносить этих слов не следует.
- Худой? Полный? — спросил следователь.

— Не худой и не полный, я бы сказал спортивный, но я могу ошибаться. И потом на нём же была куртка!

— Не заметил, какая на нём была обувь?

— Вроде кроссовки, хотя не уверен.

— Пойдём, — Наполеонов взял парня за руку.

— Куда?

— Во двор.

— Может, не надо? — со слабой надеждой спросил Лёнчик.

— Надо, парень, надо. Ты у нас единственный свидетель.

Когда они вошли во двор, Наполеонов увидел, что парень не соврал, во дворе действительно было светло. Управляющая компания не поспешила на освещение. С одной стороны, это, конечно, расточительство. Но с другой — жильцам спокойнее, а в случае чего следствию подмога. Если бы не яркость фонарей, Лёнчик мог вообще ничего не заметить. «Бедный парень», — подумал Наполеонов, жалея потрясённого подростка.

Девушка лежала почти возле самого подъезда, над ней склонился судмедэксперт, остальные осторожно обследовали двор.

Легкоступов защёлкал фотоаппаратом, при этом он не пощадил Илинханова, осматривающего тело жертвы, и на фотографиях, как предположил Наполеонов, судмедэксперт будет выглядеть как напавший на девушку насильник. Уж этот Легкоступов.

— Валерьян! — прикрикнул следователь на фотографа. Но тот пропустил его окрик мимо

ушей. Тогда Наполеонов обратился к распрямившемуся во весь рост Илинханову: — Ну что там, Зуфар Раисович?

— Два ножевых ранения. Остальное после вскрытия.

— Она мертва?

— Мертвее не бывает.

— Ладно. Орудие убийства обнаружено?

— Нет, — отозвался Незовибатько.

— А хоть что-то интересное есть?

— Пока нет, Александр Романович, ищем, — проговорил один из оперативников.

— Камеры где-то поблизости есть?

— Никак нет, товарищ капитан.

Следователь заметил, что в некоторых окнах дома зажётся свет. «Кто-то наверняка, — подумал он, — прижался носом к стеклу и пытается, не выдавая своей заинтересованности, рассмотреть, что происходит во дворе. Ладно, пускай любопытствуют, всё равно придётся будить народ, чтобы провести поквартирный опрос. Хотя не стоит терять объективности и признать, что шансов на раскрытие преступления по горячим следам мало».

Наполеонов снова переключил своё внимание на Федотова:

— Лёня, назови адрес своей подружки.

— Зачем? — заартачился парень.

— За надом.

— Ничего я вам не назову, — набычился Лёничик.

— Слушай, не дури! А то мы решим, что это ты гражданочку прирезал.

— Вы чего, с ума сошли? — Глаза парня чуть на лоб не вылезли.

— Нам же надо на кого-то убийство повесить, — ласково проговорил Наполеонов, — а тут ты, и искать никого не надо.

— Ладно, пишите! — махнул рукой подросток. — Ключевского...

— Чего Ключевского?

— Улица! Дом восемнадцать, квартира один.

— Твоя подруга живёт на первом этаже?

— Ну!

— Как зовут?

— Тамара.

— А отца?

— Геннадий Иванович Весельчаков.

— Хорошая фамилия. В театре комедии служит, — попытался пошутить следователь.

— Кто? — изумился парень.

— Папа твоей подружки.

— Геннадий Иванович — директор магазина бытовой техники.

— Хорошего ты себе будущего тестя присмотрел, — одобрил Наполеонов то ли в шутку, то ли всерьёз.

— Какого ещё тестя? — обиделся Лёнчик. — Мы с Тamarой просто дружим.

— Понимаю, — вздохнул Наполеонов, вспомнив о Мирославе Волгиной, и пробормотал: — Я вот тоже с одной девушкой дружу, дружу.

— Вот видите, — обрадовался Лёнчик.

— Пока ничего не вижу, — вздохнул следователь. — Ты пока иди, а то и так весь промёрз. Только координаты мне свои оставь.

Лёнчик, несмотря на холод, был без головного убора, да и куртка на нём была не слишком тёплая. «Рано парень с зимней одеждой расстался», — подумал Наполеонов.

Лёнчик шмыгнул носом и сказал:

— Я не промёрз.

— А чего дрожишь тогда?

— Это нервное напряжение.

— Да? Рановато тебе ещё нервы напрягать. Диктуй телефон, адрес.

— Да, пожалуйста, — Федотов продиктовал номер своего мобильного и адрес. Вышло, что он и на самом деле жил в следующем доме, который был виден с места, где они стояли.

— Дима! — окликнул следователь оперативника Славина. А когда тот обернулся, попросил: — Будь другом! Проводи парня до двери квартиры.

— Всегда пожалуйста, — отозвался Дмитрий Славин и, обращаясь к парню, проговорил: — Пойдёмте, молодой человек.

— Я сам, — начал было возражать Лёнчик.

— Понимаю вашу тягу к самостоятельности, — одобрительно кивнул оперативник, — но у меня приказ начальства.

— Вроде это просьба была, — снова шмыгнул носом Лёнчик.

— Просьба начальника всегда приравнивается к приказу, — наставительно ответил оперативник.

— Ладно, тогда идёмте, — покорился парень.

Славин, щадя самолюбие подростка, не стал подниматься вместе с ним на площадку. Подождал, пока тот откроет дверь ключом. Но, видимо, парня поджидала в прихожей мать или бабушка, потому что краем уха оперативник уловил женский крик. «Достанется парню на орехи», — подумал он. На всякий случай поднялся на площадку. Дверь была закрыта. Голоса из-за неё доносились совсем слабо, видимо, хозяйева переместились из прихожей в комнату и там продолжили разбирательство.

— Проводил? — спросил поджидавший старшего лейтенанта следователь.

— Всё в порядке, — ответил Славин, — только, кажется, мать на него напустилась.

— Неудивительно, перенервничала, наверное, как следует.

— Надо думать, — согласился Славин.

Оперативникам во дворе не удалось найти ничего, что могло бы помочь в расследовании.

— Не могу понять, зачем он прихватил нож? Разумнее было бы бросить его на месте преступления, — рассуждал вслух Наполеонов.

— Скорее всего, орудовал дилетант, — ответил Незовибатько.

— На ограбление не похоже. Сумочка, телефон на месте. На девушке ювелирные украшения, серьги и часы тянут на приличную сумму.

Следователь открыл сумочку. В ней нашлись всевозможные чисто женские принадлежности, пачка сигарет. «А ведь Минздрав предупре-

ждал», — пробормотал Наполеонов и выудил ключи и паспорт.

— Хорошо, что паспорт при ней, меньше хлопот, — заметил Ринат Ахметов.

Наполеонов раскрыл паспорт и прочитал:

— Нина Харитоновна Авдеева. Прописана в этом доме и даже в этом подъезде.

— Преступник знал, где она живёт, раз убил её прямо на пороге дома, — проговорил один из присутствующих.

— Необязательно, — возразил другой, — может, он просто поджидал любую девушку?

— Не похоже.

— Парень сказал, что она не кричала. Скорее всего, знала преступника и поэтому не испугалась, — предположил следователь.

— Или не успела закричать, — сказал Незовибатько.

— Этого, Афанасий Гаврилович, тоже исключать нельзя, — согласился с экспертом-криминалистом Наполеонов,

— Какая она красивая, — не удержался Валерьян Легкоступов. В это время луна выплыла из-за небольшого облачка и сосредоточила весь свой флуоресцирующий свет на лице убитой девушки. Создалось такое впечатление, что она вот-вот откроет глаза. Оперативники замерли. А профессиональный инстинкт фотографа подтолкнул Легкоступова к тому, что он успел сделать пару снимков.

Услышав щёлканье фотоаппарата, Наполеонов, вздрогнул и, оторвав взгляд от лица покойной, зашипел на фотографа:

— Опять ты за своё!

— Но, Александр Романович, — проговорил Валерьян в своё оправдание, — не мог я упустить такой момент.

— Мы здесь убийство расследуем, а не готовимся к постановке Вия, — продолжал он выговаривать Легкоступову.

— При чём тут Вий, — не понял тот.

Вместо ответа следователь выразительно постучал костяшками пальцев по своей голове. До головы высокорослого фотографа он просто не мог дотянуться.

— Ладно, — примиряюще прогудел Незовибатько, — сфотографировал и сфотографировал, не казнить же его за это.

Легкоступов бросил в сторону эксперта благодарный взгляд. А Наполеонов пробурчал что-то себе под нос. Никто не разобрал, что именно, но все облегчённо перевели дух, когда следователь сказал:

— Санитары, можете увозить. — Перед этим Наполеонов и сам сфотографировал девушку на мобильник. — Ладно, будем проводить поквартирный опрос.

— Придётся будить народ.

— Так там и так большая половина уже не спит, — кивнул на светящиеся окна Ахметов.

— Надеждин! Ты где? — крикнул следователь.

— Тут я, Александр Романович, — подскочил к нему стажёр.

— Значит, так, Артём, осмотри все близлежащие контейнеры с мусором на предмет обнаружения ножа и куртки.

— Слушаюсь, товарищ капитан! — Надеждин, не дожидаясь ответа следователя, нырнул в менее освещённое пространство двора, где у самого выхода находились контейнеры.

— И в соседних дворах посмотри! — крикнул ему вслед Наполеонов.

— Славин, ты займись камерами всеми, что найдёшь за пределами двора в радиусе нескольких метров. Глянь, может, здесь поблизости имеются банки, почта, круглосуточные магазины.

— Я понял, — отозвался Дмитрий, — не первый раз замужем, всё сделаю как надо.

Наполеонов в этом и не сомневался, просто привык растолковывать подробно свои задания всем, независимо от того, опытный перед ним оперативник или новичок. Оперативники тоже привыкли к некоторой занудности следователя и не обижались на него.

— Остальные за мной! — скомандовал Наполеонов и первым устремился к входу в подъезд.

Оперативники последовали за ним.

ГЛАВА 2

Поднявшись по лестнице на площадку, где, судя по регистрации, проживала погибшая Нина Харитоновна Авдеева, Наполеонов нажал на кнопку звонка. Дверь квартиры им никто не открыл.

— Интересно, может, она жила одна? — произнёс следователь вслух и позвонил в дверь соседней квартиры.

Дверь приоткрылась, в проёме показалась седая женщина в тёплом халате и стоптанных тапочках.

— Вам кого? — спросила она.

Сна у гражданки, как заметил Наполеонов, не было ни в одном глазу.

— Полиция, — сказал он, — следователь Александр Романович Наполеонов.

— Татьяна Михайловна Серёгина, — проговорила женщина, полностью открыла дверь и стала с любопытством разглядывать Наполеонова.

— Гражданка Нина Харитоновна Авдеева здесь жила? — спросил следователь, указывая рукой на дверь рядом.

— Почему жила? И сейчас живёт. Только её ещё, наверное, дома нет, — неприязненно проговорила Серёгина.

— Это она? — Наполеонов протянул женщине свой мобильник.

— Она, — поджала губы Татьяна Михайловна.

— Тогда уже не живёт, — вздохнул следователь.

— Мамочки мои, боже, — запричитала женщина, — так это из-за этого там полиция? — Она стала тыкать пальцем в сторону улицы.

— Из-за этого. Авдеева жила одна?

— Зачем одна? С Мишей.

— С Мишей?

— Ну да, с мужем.

— Где муж?

— Так он это, в командировку уехал.

— Откуда вы знаете?

— Миша сам сказал. Я мусор выбросила и поднималась с пустым ведром. Он ещё посетовал, что, мол, встретить женщину с пустым ведром не к добру.

— Сбылась примета, — сказал следователь. — Когда это было?

— Что было? — не поняла женщина.

— Ваша встреча на презентации! Тьфу ты! На лестнице с ведром!

— В четверг на прошлой неделе.

— После дождичка в четверг, — пробормотал следователь.

— Не было никакого дождичка в тот день, — возразила женщина.

— Точно, не было, — согласился Наполеонов. — Татьяна Михайловна, назовите, пожалуйста, полное имя Миши.

— Так Михаил Сергеевич Авдеев он.

— Где он работает?

— У Миши своя фирма. Но где она находится, я не знаю.

— А чем фирма занимается?

— Бытовой химией, косметикой.

— Понятно. Авдеевы жили вдвоём?

— Да.

— Выходит, что сейчас в квартире никого нет?

— Ни души.

— Славин! Давай участкового!

— Тут я, — ответил пожилой осанистый мужчина и отрапортовал: — Майор Валерий Борисович Рыжов.

— Отлично! Понятых и слесаря подгоните, пожалуйста.

Пока вскрывали дверь, Наполеонов успел поговорить с двумя женщинами средних лет, которые, услышав шум, поднялись с площадки этажом ниже.

— Что случилось? — спросила та, что была по-моложе.

— Нину Авдееву убили, — ответила Серёгина, опередив следователя, и тихонечко завyla, так, как воет мопс у соседей Наполеонова, когда хозяева его чем-то незаслуженно огорчают.

— Тише, тише, — остановил её Наполеонов и обратился к женщинам: — Вы хорошо знали Нину Харитоновну Авдееву?

— Нинку-то? — переспросила одна из женщин, при этом посмотрев на другую так, словно советуясь, что можно говорить, а что нельзя.

Наполеонов нетерпеливо кивнул.

— Знали. Но чай пить она нас не звала, — ответила вторая женщина.

— С мужем гражданка Авдеева дружно жили?

— Какой там! — не выдержала первая. — Я под ними живу, так мне слышно, как они собачились каждый день.

— Из-за чего?

— Нинка та ещё стерва была! — вырвалось у соседки произвольно.

— Макаровна! — перебила её другая. — Ты бы полегче.

— А чего полегче? — отозвалась та, которую назвали Макаровой. — Я же правду говорю!

Она у Мишки второй женой была. Намного моложе его.

— Намного — это насколько? — спросил следователь, в его воображении тем временем нарисовался на месте мужа Авдеевой седобородый старец.

— Лет на десять, — ответила женщина.

— Десять лет это ерунда, — заметил следователь и мысленно побрил и омолодил супруга убитой.

— Кому как, — не согласилась соседка.

Наполеонов, чтобы закрыть вопрос о разнице в возрасте супругов, махнул рукой и вернулся к тому, что его заинтересовало:

— Значит, вы утверждаете, что супруги Авдеевы часто ссорились.

— Тут утверждай не утверждай, — внесла свою лепту Серёгина, — а жили они как кошка с собакой.

— Да, жили они плохо, — согласилась та, которая пыталась сначала заступиться за Авдееву.

— Нина частенько домой возвращалась ночью, а то и под утро, — сказала Серёгина.

— И где же она была?

— Говорила, что задерживалась у подруг

Прибывший слесарь открыл дверь. Участковый привёл ещё одну соседку с верхнего этажа и представил её Наполеонову:

— Мария Михайловна Угольниковна, старшая по дому.

— Отлично, — похвалил Наполеонов, — будете понятой, и вы, Татьяна Михайловна, — обратился он к Серёгиной.

Две женщины с нижней площадки разочарованно переглянулись, но делать нечего, начали спускаться вниз. Однако, войдя в свои квартиры, двери плотно запирать не стали. Бояться, по их мнению, было нечего, раз полиция в подъезде, а через неплотно запертую дверь всегда можно услышать хоть что-то интересное.

Войдя в квартиру, понятые стали оглядываться по сторонам.

— Я вижу, вам здесь не приходилось часто бывать, — заметил следователь.

— Да, — согласилась Серёгина, — Нина соседей не жаловала.

— Как и мы её, — добавила Угольникова.

— И чем же она вам не угодила? — поинтересовался следователь, уже догадавшийся о том, что ничего хорошего в адрес убитой из уст соседок не прозвучит.

Мария Михайловна Угольникова поджала губы, но потом решилась:

— Мы тут все знали, что она, Нинка то есть, увела мужика из семьи.

— Какого мужика? — сделал стойку следователь.

— Как какого! Мишку своего!

— То есть вы утверждаете, что Нина Авдеева отбила Михаила Авдеева у его прежней жены.

— Утверждаем! — одновременно ответили обе женщины.

— Откуда такая информация?

— Так Мишка тут сначала с первой женой жил, квартира им вроде как от тётки или бабки двоюродной досталась, в неё он и привёл Лизу!

— Лиза — это?..

— Первая Мишкина жена!

— Хорошая женщина была! — с жаром добавила Серёгина.

— Почему была? — спросил следователь. — Она умерла, что ли?

— Типун тебе на язык! — вырвалось у Угольниковой. Мария Михайловна тотчас опомнилась и пробормотала смущённо: — Простите, товарищ следователь, сорвалось.

— Бывает, — усмехнулся тот, — я рад, что первая жена Авдеева пребывает в здравии.

— Мы тоже, — кивнули обе женщины, из чего следователь сделал вывод, что Лиза Авдеева с соседками ладила.

— Куда же Елизавета Авдеева подевалась потом?

— Никуда не подевалась. Прожили они тут с Мишей лет шесть или больше. Сын у них рос, Мишка уволился из своего института.

— Какого института?

— Он в НИИ сначала подвязался, но там в то время платили копейки, вот он бизнесом и занялся, оперился, дом построил, у них с Лизой дочка родилась, и стали жить с женой и детьми в новом доме. А потом Мишка и родителей туда перевёз.

— Откуда знаете?

— Сам рассказал, когда забегал сюда. Он мне от квартиры на всякий случай ключи оставлял, — сказала Серёгина.

— Зачем?

— Как зачем? — удивилась женщина. — На всякий случай, мало ли что может случиться с нашим жилищно-коммунальным обслуживанием, то труба лопнет, то кран потечёт. Не ехать же им за тридевять земель.

— Кому им?

— Мише или его жене. Да и на то, чтобы караулить этих деятелей, время нужно.

— Каких деятелей караулить?

Татьяна Михайловна посмотрела на следователя с явным осуждением, во взгляде женщины он прочитал — нельзя же быть таким бестолковым. Но она всё-таки ответила:

— Работников ЖКХ, тех же слесарей.

— Понял, — улыбнулся Наполеонов и тотчас стёр улыбку со своего лица. — Ничего не протекало за время его отсутствия?

— Нет.

— Насколько я понял, Авдеев квартиру не сдавал и она просто пустовала?

— Да, закрытая стояла. И вдруг на тебе! — прорвало Серёгину. — Привозит сюда Нинку!

— Вот как, — проговорил Наполеонов. — Получается, что новую жену Авдеев привёз в старую квартиру?

— Точно! — радостно подтвердили обе женщины.

— Гм, — обронил следователь.

— Только Нинке это не понравилось!

— Что это? — не сразу сообразил задумавшийся на мгновение следователь.

— Что Миша первую жену в доме оставил жить. А её, красавицу писаную, во вторичку поселил.

— По-моему, неплохая квартира, — обвёл Наполеонов взглядом комнату, в которой они находились. Он сам с матерью жил в старом доме. И ему нравилась квартира, в которой он родился и вырос.

— Это для нас с вами она неплохая, — многозначительно проговорила Угольниковка, — а Нинка воображала себя пупом земли.

— Ага, — кивнула Серёгина, — ни дать ни взять царица шамаханская! Она, видать, сразу на тот дом глаз положила.

— Нина Авдеева видела дом своего мужа?

— По всему так выходит, — ответила соседка.

— А это откуда стало известно? Вы ведь говорили, что Авдеева с вами не откровенничала. Или я что-то не так понял?

— Так, так, — закивала Серёгина, — но она дружила с Иркочкой Захарьиной и жаловалась ей на свою несчастную жизнь и на мужа-злодея!

— Он что, бил её?

— С ума сошли! — возмущённо отвела предположения следователя Угольниковка. — Скорее она его!

Увидев удивлённый взгляд следователя, поспешила пояснить:

— Не била, а грызла.

— Зубами?!

— Да нет же! Языком! Это ж образно!

— Понял. За что грызла?

— Да всё из-за дома!

— Не дом прямо, а яблоко раздора, — пробор-мotal следователь.

Соседки согласно закивали.

— Вы знаете, где находится этот дом?

— А то!

— Откуда!

— От матери его, Ксении Савельевны Авдеевой!

— Вы с ней знакомы?

— А как же! Познакомились! — Женщина многозначительно посмотрела на следователя.

— Не тяните!

— А я и не тяну, — сделала вид, что обиделась Серёгина, но тут же продолжила свой рассказ: — Ксения Савельевна приезжала к сыну, его дома не оказалось, так эта зараза...

— Какая зараза?

— Жена его, прости господи.

— Вы имеете в виду убитую Нину Харитоновну Авдееву?

— Её самую! Так она свекровь даже на порог не пустила.

— Это ещё почему?

Соседка пожала плечами:

— Я почём знаю. Сказала, приходите, когда Миша дома будет.

— А что Ксения Савельевна?

— Рассказала мне, что Нинка увела Мишу из семьи. А там остались двое малых деток! Серёжа и Анюта.

— Вы и сами об этом знали.

— Про детей, да, — согласилась Татьяна Михайловна.

— Вы сказали, что Авдеева общалась с кем-то из вашего подъезда?

— Общалась! С Ирккой Захарьиной из третьей квартиры.

— Как её отчество?

— Откуда же мне знать? — повела плечами Серёгина.

— Ирина Константиновна Захарьина она, — ответила на вопрос следователя Угольниковова. Как старшая по дому, она обладала более обширной информацией о жильцах.

Пока Наполеонов разговаривал с понятыми и писал протокол, оперативники завершили осмотр квартиры. Обыск, как, впрочем, и следовало ожидать, ничего не дал.

Следователь сделал вывод, что жили супруги не бедно, деньги у Авдеева явно имелись, но особо баловать молодую жену он не стремился. Вот только было не ясно, так сложилось сразу, или супруг охладел к молодой жене в процессе жизни с ней. Если бы его, Наполеонова, стала грызть, как выразилась Серёгина, какая-либо женщина, он бы сразу сделал ноги. Очень надо терпеть чьи-то придирки. Но в то же время он хорошо понимал, что мужчины, как и женщины, бывают разные. Плюс к этому немалую роль играют сложивши-

еся в жизни того или иного человека обстоятельства. И немногие решаются рвать по живому.

— Сказано же, не прелюбодействуй, — проворчал следователь себе под нос, — жил бы и жил спокойно с первой женой. Так нет, нашёл-таки приключения на своё мягкое место. И правоохранительным органам лишняя морока.

— Подпишите, — сунул он протокол под нос понятым.

Женщины послушно расписались. Прочла то, что подписывала, только старшая по дому Угольникова. Серёгина подмахнула всё не глядя. Наполеонов покачал головой, но поучать женщину не стал. По его мнению, она уже вышла из того возраста, когда поучения идут впрок.

— Вы пока свободны, — сказал он понятым. — Спасибо.

Мария Михайловна ответила, что они выполнили свой гражданский долг, а Серёгина только кивнула и скрылась за дверью своей квартиры сразу же, как полицейские опечатали дверь квартиры Авдеевых.

ГЛАВА 3

Оперативники рассеялись по подъезду, расспрашивая о чете Авдеевых всех, кто открывал им двери своих квартир. Надо сказать, что многие уже спали. Бодрствовали в основном пенсионеры и обитатели тех квартир, окна которых выходили во двор.

Наполеонов направил свои стопы к лестнице, ведущей вниз. С подружкой Нины Авдеевой Ириной Константиновной Захарьиной он решил поговорить сам.

Спустившись на первый этаж, следователь нажал на крохотную кнопку звонка и вздрогнул от неожиданности, так как зазвучала музыка из мультфильма — это нам не задавали...

— Тьфу ты, — сказал следователь и попятился.

Дверь открылась почти мгновенно. На пороге стояла молодая аппетитная женщина в шёлковом халате, по зелёному полю которого то ли бегали, то ли летали оранжевые петухи.

— Кто это у нас тут плюётся? — весело спросила женщина.

— Извините, — сказал следователь, — меня смутил ваш звонок.

Смутил его не только звонок, но и не соответствующее обстоятельствам приподнятое настроение женщины. «Неужели она ещё ничего не знает? — с некоторым недоумением подумал следователь. И возразил себе: — Если бы не знала, то не стояла бы у двери, выходит, что ждала прихода полиции». Тут он почувствовал лёгкий запах алкоголя.

— Всё понятно, — решил следователь и представился: — Александр Романович Наполеонов, старший следователь, — и сразу перешёл к главному: — Возле вашего подъезда произошло убийство.

Женщина всхлипнула, махнула на него рукой и покачнулась. Наполеонову показалось, что

она собралась упасть в обморок, и он поспешил поддержать её.

— Ах, не тискайте меня, — хихикнула она. — Мы с вами для этого ещё не слишком знакомы.

— Я и не тискаю, — проговорил следователь. — Мне нужно с вами поговорить.

— Проходите на кухню, я дверь закрою.

Он послушно пошёл в ту сторону, в которую она указала рукой.

— Меня Ирой зовут, — сказала она, входя следом за ним. — А вы Саша.

У Наполеонова чуть было не вырвалось: «Шура!» — но он вовремя поймал слово за хвост и проговорил строгим голосом:

— Давайте обращаться друг к другу более официально — вы Ирина Константиновна Захарьина, я Александр Романович Наполеонов.

— Как пожелаете, — из её голоса исчезла игривость. — Чего вы от меня хотите?

— Поговорить о Нине Авдеевой.

Захарьина пожала плечами.

— Вы ведь знали её?

— Кто ж её не знал.

— Я имею в виду близко.

— Не так уж и близко. Просто были соседками.

— Соседки у Авдеевой и на лестничной площадке рядом с ней были.

— Серёгина, что ли?

— Хотя бы.

— О чём Нинке было с этой старой гримзой говорить?

Наполеонов не считал Серёгину старой и тем более гримзой, но спорить с Захарьиной не стал, вместо этого спросил:

— С вами Авдеевой было о чём поговорить?

— Было, мы же обе красивые молодые женщины, — Захарьина не удержалась и подмигнула следователю.

Он сделал вид, что не заметил её возобновившихся заигрываний, и спросил:

— Ирина Константиновна, это правда, что Нина Авдеева жаловалась вам на мужа?

— Правда, — нехотя призналась Захарьина.

— В чём была причина её недовольства мужем?

— Нинка, когда за Мишку замуж выходила, надеялась как сыр в масле кататься.

— И что же помешало реализации её мечты? — спросил Наполеонов.

— Что помешало, — усмехнулась женщина, — Мишка прижимистым оказался. Большую часть денег тратил на развитие бизнеса. Опять же ему надо было содержать большую семью.

— Вы имеете в виду его детей от первого брака?

— Всех! — нетерпеливо перебила его Захарьина. — И детей, и жену, и родителей.

— Разве Авдеева не думала заранее о том, что муж будет продолжать поддерживать детей и родителей?

— Ни о чём таком Нинка не думала! Она вообще считала, что здесь, — Захарьина кивнула на потолок, имея в виду квартиру Авдеевых, распо-

ложенную выше, — будет жить первая жена Ми-
хи с детьми, а она будет царствовать в его огром-
ном особняке. — Но оно, видишь, как вышло, —
женщина снова подмигнула следователю.

— Вы сказали особняк? — переспросил он бес-
страстно.

— Ну.

— То есть большой дом?

— Немаленький. А вы не знали?

— Откуда же. Все другие соседи называли его
просто домом.

— Поскромничали старушки, — усмехнулась
Захарына, имея в виду под старушками, как по-
нял Наполеонов, Угольникову и Серёгину. Ему
хотелось сказать женщине, что молодость про-
летит быстро и она оглянуться не успеет, как и
сама станет так называемой старушкой. Но он
воздержался. Что толку таким говорить, только
слова на ветер выбрасывать.

— Ирина Константиновна, Авдеева не жалова-
лась вам на то, что муж поднимает на неё руку?

— Мишка-то? — удивилась женщина.

Следователь кивнул.

— Нет, на это мне Нинка не жаловалась. Да и
кто бы ей поверил.

— Авдеев настолько миролюбивый чело-
век? — усомнился Наполеонов.

— В общем, да.

— Как же он тогда ведёт успешный бизнес?

— А что тут такого? — не поняла женщина.

— По-моему, в бизнесе мягкого человека в
один миг сомнут.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответила Захарьина. — Может, в бизнесе он и жёсткий — но не думаю, что Миша стал бы с бабой воевать.

— Значит, вы не допускаете, что Нину Авдееву мог убить её муж Михаил Авдеев?

— Не допускаю.

— Кстати, вы не знаете, где находится офис его фирмы?

— Кстати, знаю, — усмехнулась Захарьина.

— Не подскажите адрес?

— Подскажу. Только его всё равно там сегодня не будет.

— Это ещё почему? — Наполеонов сделал вид, что ничего не знает.

— В командировке он, ещё с прошлой недели.

— Это он вам сам сказал?

— Нет, Нинка.

— Нина Авдеева не говорила, что ей кто-то угрожает? Преследует её?

— Нинку? — приподняла бровь женщина. — Кому она нужна, чтобы угрожать ей.

— А преследовать?

— Она сама ни одного мужика не пропустит.

— Вот как?

Сообразив, что сказала лишнее, Захарьина прикусила язык.

— Ирина Константиновна, вы хотите сказать, что Нина Авдеева изменяла мужу? — решил расставить все точки над «i» Наполеонов.

— Ничего я такого сказать не хочу! — насупилась Захарьина.

— Не то что не хотите, вы уже сказали.

— Я имела в виду совсем не то, что вы подумали!

— Откуда вы знаете, что я именно подумал?

— Это у вас на лице написано! Все бесстыжие мужики могут думать только об одном!

Про себя Наполеонов удивился характеристике, данной ему Захарьиной. Раньше его никто не называл бесстыжим.

— Тогда, Ирина Константиновна, поясните, что именно вы имели в виду, говоря о том, что Нина Авдеева не пропускала ни одного мужика?

— Только то, что мужчины на Нину заглядывались!

— А она на них?

— Чего вы меня всё пытаете? — сорвалась Захарьина на крик. — Мы закадычными подружками не были! И я не знаю, чего вам там наговорила наша местная достопримечательность.

— Какая такая местная достопримечательность?

— Мария Михайловна Угольникова!

— С чего вы это взяли, что она мне что-то наговорила?

— Так больше некому!

— Ошибаетесь, — следовательно позволил себе улыбнуться, — основную заинтересовавшую меня информацию я получил от вас.

— Да идите вы!

— Ну-ну, не забывайте, что я при исполнении. Захарьина пожала плечами.

Поняв, что ничего больше он от неё не добьётся, Наполеонов проговорил:

— Вы сказали, что не были закадычными подругами с Ниной Авдеевой.

— Точно, не были! — тотчас подхватила Захарьина.

— А кто был?

— Как кто? Райка Левченко!

— Она живёт в этом же подъезде?

— Нет!

— А где?

— Почём мне знать, где она живёт! Я к ней в гости не ходила. Хотя номер её у меня есть.

— Откуда?

— Нинка на всякий случай оставила.

— Продиктуйте телефон Левченко.

— Наизусть не помню.

— Так идите и посмотрите, где он у вас там записан.

— В телефоне! — С недовольным видом Захарьина достала из кармана своего аляпистого халата мобильник и стала рыться в контактах. Через пару минут сказала: — Нашла, записывайте!

— Говорите.

Женщина продиктовала номер подруги Нины Авдеевой.

— В реальности вы хоть раз видели Раису Левченко?

— Видала, конечно.

— Где?

— Она к Нинке приезжала, когда Мишки дома не было.

— Муж что же, запрещал ей подруг домой водить?

— Чего не знаю, того не знаю. Но так как последнее время они с Мишкой не ладили и в открытую ссорились, Нинка не хотела перед мужем своих знакомых светить.

— Вы, случайно, не знаете отчества Левченко?

— Вроде Владимировна она. Но на все сто я не уверена.

— Спасибо и за это.

— Пожалуйста. Заходите, если что, — криво усмехнулась Ирина Константиновна и добавила: — Одинокая женщина всегда рада гостям.

— И часто у вас бывают гости? — решил поинтересоваться на прощание следователь.

— Если вы имеете в виду мужчин, то, к сожалению, не часто, — притворно вздохнула Захарьина.

— Сочувствую.

— Не всем так везёт, как Нинке везло! И муж у неё, и от поклонников отбоя не было, — снова сорвалось с пьяного языка женщины, но она тут же опомнилась и захлопнула дверь.

— Не думаю, что Авдееву можно назвать везучей, — сказал Наполеонов закрытой двери, — иначе не лежала бы она сейчас мёртвой. — Он надеялся, что Захарьина не ушла от двери и услышала его.

О том, что у Авдеевой были поклонники, а может быть, и любовники, услышал и Ринат Ахметов, делающий поквартирный опрос, от столь юной девушки, что не смог скрыть удивления.

— Откуда вы знаете? — спросил он четырнадцатилетнюю девушку с четвёртого этажа. «Неужели и моя Гулька в этом возрасте будет забивать себе голову шашнями взрослых соседок?» — и помотал головой, отгоняя пустые мысли. Его дочь вырастет разумной девушкой.

— Она сама хвасталась, — ответила между тем девушка.

— Неужели она говорила с вами об этом? — усомнился Ринат.

— А что тут такого? — сморщила веснушчатый носик девчушка.

Оперативник не успел вновь открыть рот, как она проговорила:

— Только не спрашивайте, кто они и где живут. Мне она не говорила об этом и домой их не водила.

— Жаль.

— А то, — усмехнулась девушка.

Дверь Аветику Григоряну открыл здоровенный детина в пижаме в клеточку, выслушав оперативника, он спросил:

— Так Нинку всё-таки кто-то пришил?

— Что значит всё-таки, — несколько растерялся оперативник. — Можно подумать, что вы ожидали этого печального события.

— Ожидать не ожидал, — ответил детина, — но предполагал.

— И на чём же были основаны ваши предположения?

— Гуляла она направо и налево.

— У вас есть конкретные факты или только одни предположения?

— Фактов нет, — признался мужчина. — Но от неё же так сексом пёрло, что даже в головушибало! Мало кто устоит.

— Это не её вина.

— Как же не её, — ухмыльнулся мужчина. — Она и ко мне клеилась, чуть ли не открытым текстом говорила, что ей не хватает секса.

— А вы?

— Что я? — пожал детина широченными плечами. — Мне не нужны неприятности. Я Мишу уважаю и соболезную ему. Оплошал мужик, с кем не бывает.

— Например, с вами. С вами ведь ничего подобного не случилось?

— Со мной нет. Я таких баб, как Нинка, за версту чую.

— Вы не знаете, муж был в курсе походов своей жены налево?

— Лично я в этом сомневаюсь.

— Почему же?

— Миша любил её сильно.

— А что же, свою первую жену он не любил?

— Почём я знаю. Наверное, любил. Только с Нинкой у него другое было.

— Что другое?

— Вот вы я вижу человек южный, — проговорил детина, — вам, должно быть, легче его понять.

— Это отчего же? — слегка удивился оперативник.

— Неужели у вас ни разу не было ослепления женщиной?

— Не было, — признался Аветик и добавил: — Полицейским не положено терять голову.

— Ну да, ну да, — усмехнулся детина. — А как же насчёт того, что сердцу не прикажешь?

— Оставим моё сердце в покое и поговорим об Авдеевых, — прервал рассуждения свидетеля Григорян.

— Мне больше нечего о них сказать.

— Соседи слышали, что супруги постоянно ссорились.

— И что? Многие пары ссорятся, — лениво зевая, ответил мужчина.

— К сожалению, да, но опять же смотря по какому поводу. Может быть, Авдеев ревновал свою жену?

— Не знаю, не знаю. Я же вам говорил, что Мишка, как Фемида, ходил с завязанными глазами.

— И вы никогда не слышали, чтобы Авдеев угрожал своей жене? — Аветику хотелось хоть что-то выжать из свидетеля.

— Не слышал ни разу, это я могу сказать точно.

— Что ж, спасибо за беседу, — поблагодарил оперативник.

— Пожалуйста, — снова зевнул детина и, закрыв дверь, отправился досыпать.

ГЛАВА 4

Наполеонов был уверен, что расследование убийства молодой женщины, на которое они с опергруппой выехали ночью, поручат другому следователю. Именно так и происходило чаще всего. Но только не на этот раз.

Едва отоспавшийся Наполеонов пришёл на работу, как секретарь Элла Русакова сообщила ему, что его с утра пораньше спрашивал Солодовников.

Полковник Фёдор Поликарпович Солодовников был непосредственным начальником Наполеонова. Отношения между ними сложились неплохие, работой Наполеонова полковник был доволен и даже время от времени хвалил. Но всё-таки лишний раз представлять перед очами начальства Шуре не хотелось.

— Зачем я ему понадобился? — спросил он девушку.

— А мне почём знать, — встряхнула Элла своей непослушной чёлкой.

Наполеонов вздохнул и поплёлся в кабинет начальства. Стукнув пару раз по двери костяшками пальцев, он приоткрыл её и, просунув голову вовнутрь, спросил:

— Фёдор Поликарпович, вызывали?

— Здравствуй, Саша, — ответил Солодовников.

Только тут Наполеонов вспомнил, что поздороваться с начальством он забыл.

— Здравствуйте, Фёдор Поликарпович.

— Заходи, садись. Ты чего такой невесёлый? — спросил Солодовников, глядя в лицо следователя.

— Всё в порядке, — поспешил заверить полковника Наполеонов.

— Вот и отлично! — с преувеличенным оптимизмом отозвался полковник.

«Что-то тут не так», — успел подумать Наполеонов и оказался прав.

— Я тут покумекал и решил, — проговорил Солодовников, — дело по убийству гражданки Авдеевой оставить за тобой.

— За мной? — вырвалось у Наполеонова.

— А что, Саша, есть возражения? — пытливый взгляд начальника встретился с удивлённым взглядом подчинённого.

Кстати, Сашей Наполеонова называл только Солодовников. Для всех остальных он был Шурой или Александром Романовичем.

Полковник тоже иногда называл следователя по имени-отчеству, но случалось это в минуты наивысшего недовольства начальника.

— Возражений нет, — пожал плечами Наполеонов.

— Вот и хорошо, тем более что ты уже в теме. Да и само дело не показалось мне особо запутанным.

— Скорее всего, вы правы.

— Начальник всегда прав, — пошутил Солодовников.

— И то верно, — улыбнулся в ответ Наполеонов, — разрешите идти?

— Да, конечно.

Выйдя из кабинета, Наполеонов нос к носу столкнулся с Русаковой.

— Чего хотел от вас Фёдор Поликарпович? — спросила она и, не дожидаясь ответа следователя, нырнула в кабинет Солодовникова.

— На чай с сушками приглашал, — буркнул ей вслед Наполеонов и зашагал к себе.

Освежив в памяти события позапрошлой ночи, расследование Наполеонов решил начать с разговора с Геннадием Ивановичем Весельчаковым, отцом подружки Лёнчика, того самого подростка, который был свидетелем убийства Нины Авдеевой.

Лёнчик, он же Леонид Павлович Федотов, утверждал, что Весельчаков к тому времени уже ушёл. Так оно скорее всего и было, иначе взрослый мужчина не оставил бы подростка наедине с трупом и убегаящим убийцей. Но нельзя исключать, что Весельчаков успел заметить что-то странное. Так или иначе, Наполеонов позвонил ему на мобильник.

Мужчина ответил не сразу, скорее всего рассматривая высветившийся номер, пытался сообразить, кому же он принадлежит. Но потом всё-таки ответил:

— Алло.

— Здравствуйте, Геннадий Иванович! — вежливо поздоровался Наполеонов.

— Здравствуйте. С кем я говорю?

— Со следователем Александром Романовичем Наполеоновым.

— Со следователем? — удивился Весельчаков. — А в чём, собственно, дело?

— Вам Леонид Федотов вчера или сегодня не звонил?

— Лёнчик? Мне? — продолжил удивляться Весельчаков.

— Вы когда в последний раз видели друга своей дочери?

— Позавчера. А что?

— При каких обстоятельствах?

— Что значит при каких обстоятельствах, — начал раздражаться Весельчаков, — что вы мне морочите голову? Что-то произошло?

— Произошло.

— Что?!

— Да не волнуйтесь вы так, Геннадий Иванович.

— Что с Лёнчиком?

— Цел и невредим ваш Лёнчик. Просто мне нужно поговорить с вами. Надеюсь, вы не возражаете?

— Нет, но...

— Вот и прекрасно, — перебил его следователь, — домой мне к вам являться не с руки, на работу тоже, в следственный комитет вызывать вас я также пока не хочу, так что давайте встретимся в каком-нибудь нейтральном месте.

— Давайте! — выдохнул уже совсем запутавшийся Весельчаков.

— Где вам удобнее? — с нотками заботы в голосе спросил следователь.

— Я обедаю в кафе у «Трёх берёз» на Лесной. Знаете, где это?

— Разберусь. Во сколько встречаемся?

— В час дня.

— Хорошо. До встречи.

— Погодите! — воскликнул Весельчаков. — А как я вас узнаю? Вы будете в форме?

— Нет, нет, — улыбнулся в трубку Наполеонов. — Встретимся у входа. Думаю, в это время года возле крыльца на улице не так уж много толпится народу.

— Вы правы, — буркнул мужчина.

— Если что, созвонимся. Короче, не разойдёмся, — заверил его Наполеонов. — И, Геннадий Иванович, у меня к вам небольшая просьба.

— Какая? — насторожился мужчина.

— Не звоните пока ни Лёнчику, ни своей дочери.

— Хорошо.

— Обещаете?

— Обещаю.

— Тогда до встречи. — Наполеонов отключился, не ожидая ответа собеседника.

Весельчаков хотел было позвонить Лёнчику, но, вспомнив про обещание, данное следовательно, убрал мобильник.

Всё время, оставшееся до встречи со следователем, он ломал голову над тем, во что мог вляпаться друг его дочери и что вообще могло понадобиться от него следователю. Так и не найдя ответа, он озабоченно следил за движением, казалось, уснувших стрелок. Вздохнул с некото-

рым облегчением только тогда, когда можно было отправляться к месту встречи.

Как ни торопился Геннадий Иванович, но слегка опоздал, умудрившись застрять в небольшой, быстро рассосавшейся пробке. Когда он подошёл к кафе, то не увидел никого, кроме невысокого парня, подпрыгивающего на месте, как мячик.

Весельчаков скользнул по нему взглядом и стал смотреть на стоянку, поджидая вновь прибывающие автомобили. Ведь следовательно, надо думать, не пешком придёт.

— Вы Геннадий Иванович Весельчаков? — раздался голос за его спиной.

— Да, — проговорил, оборачиваясь, мужчина, — но я вас не знаю.

— Так я вас тоже, — весело ответил парень, — сейчас прямо и познакомимся, хотя по телефону мы вроде бы уже и представлялись друг другу. Но ничего страшного, можно и ещё разок: — Александр Романович Наполеонов, следовательно.

— Геннадий Иванович Весельчаков, — на автомате ответил мужчина, всё ещё никак не свыкнувшийся с мыслью, что этот прыгающий мячик и есть следовательно.

Догадавшись о его сомнениях, Наполеонов достал удостоверение и развернул корочки перед глазами Весельчакова.

— Да, простите, — пробормотал тот.

— А я, знаете ли, уже начал примерзать, дожидаясь вас, — подмигнул ему следовательно.

— Простите, пробки, — ещё раз извинился Геннадий Иванович.

— Пойдёмте в кафе, там и поговорим, а то я совсем ооченею. Март называется, — обиженно проговорил следователь. И Весельчаков не понял, на кого он обижается: на него или на холодный месяц март.

Зайдя в кафе, они заняли столик у стены.

— Здесь хорошо хотя бы кормят? — спросил Наполеонов.

— Вполне. Я всегда здесь обедаю. Особенно здешним поварам удаются блюда из кур.

— А Бонапарт их, помнится, не жаловал, — произнёс следователь, как показалось Весельчакову, ни к селу ни к городу, но тут он вспомнил, что фамилия следователя Наполеонов. Шура же, в свою очередь, увидев вытянувшееся лицо визави, поспешил объяснить: — Наполеон родился и вырос на Корсике в небогатой семье. Самым доступным мясом для семьи было куриное. Потом будущий император поступил на службу, и молодых офицеров тоже кормили по преимуществу куриным мясом. Вот он его и возненавидел, даже запретил поварам его готовить, когда стал консулом. Ситуацию переломил Лягюньер, который, считая себя королём кулинарного искусства, не привык идти на поводу у чужого мнения, даже если это мнение императора. Он умел готовить курицу так, что распознать в кушанье, что оно было приготовлено из куриного мяса, было невозможно. Бонапарт оценил кули-

нарный дар нового повара и разрешил ему подавать на императорский стол блюда из курицы.

— Да, да, — проговорил Весельчаков, который не помнил подобного факта из биографии французского императора, но вполне удовлетворился объяснением следователя.

Подошёл официант, и Геннадий Иванович машинально проговорил:

— Мне тоже, что и всегда.

— И мне тоже, что ему, — с такой поспешностью добавил Наполеонов, что официант невольно улыбнулся, но тотчас снова натянул на лицо маску вежливой почтительности.

Весельчаков тоже не смог сдержать улыбки:

— Но вы ведь даже не знаете, что я заказал. Вдруг вам не понравится.

— Понравится, — уверенно ответил Наполеонов, — не будете же вы заказывать нечто несъедобное.

— Логично, — отозвался слегка оттаявший мужчина и добавил: — Летом здесь вообще прелестно.

— Да?

— В скверике много берёз, цветов, фонтанчик, после обеда можно прогуляться или посидеть на лавочке.

— Ах, в этом смысле, — проговорил Наполеонов, думая о своём.

Ели они молча, хотя и движения, и мимика Весельчакова выдавала его нетерпение. Но Наполеонов не торопился.

Блюда, заказанные Геннадием Ивановичем, пришлись ему по вкусу, и он наслаждался едой.

Закончив есть, Наполеонов вытер губы и руки салфеткой и проговорил, обращаясь то ли к себе, то ли к собеседнику:

— Я был почти уверен, что Лёнчик успел всё рассказать вам.

— Да что всё, в конце концов?! — воскликнул, уставший томиться в неизвестности Весельчаков так громко, что на них стали оглядываться другие посетители кафе.

— Извините, Геннадий Иванович, — ответил следователь, — просто позавчера ночью друг вашей дочери стал свидетелем убийства.

— Свидетелем чего? — изумлённо переспросил Весельчаков.

— Убийства. Чего вы так удивляетесь? К сожалению, время от времени они случаются и на нашей малой родине.

— Господи! — проговорил мужчина, точно не слыша последних слов следователя. — Ведь я проводил его почти до дома!

— Вот именно, что почти, — заметил Наполеонов.

— Там осталось два шага шагнуть.

— Ну, допустим, не два, а больше.

— Какой там больше! До дома Лёнчика было рукой подать!

— Хорошо, не будем спорить. Только скажите, почему вы не проводили его до подъезда?

— Так не разрешил он!

— Почему?

— По глупости! Боится, что кто-то увидит, что его, такого большого мальчика, провожают.

— И что?

— Ничего! — нетерпеливо отмахнулся Весельчаков. — Подростковая психология. А я старый осёл!

— По-моему, вы льстите себе, — улыбнулся Наполеонов, наблюдая за самобичеванием собеседника.

— Это ещё почему? — насторожился мужчина.

— Потому, что осёл — это счастливое животное.

— Скажете тоже, — фыркнул Весельчаков.

— А вот и не скажите, — бодро произнёс следователь, радуясь тому, что разрядил накалившуюся обстановку. — Как сейчас помню слова старого шута Фрёлиха из книги Юзефа Крашевского «Графиня Козель»: «Мяса ослиного не едят, толстая шкура отлично защищает от побоев, а когда длинноухому вздумается запеть, все разбегаются в разные стороны, и он наслаждается покоем. И к тому же он неприхотлив, может даже старой метлой прокормиться. Разве есть на свете более счастливое существо?»

— Если только с этой точки зрения, — улыбнулся Весельчаков не столько от слов следователя, сколько от сознания того, что с Лёнчиком ничего не случилось. В душе он поклялся себе, что теперь упрямство парня не помешает ему провожать его в случае необходимости до квартиры.